

Борис Акунин

ДЕТСКАЯ КНИГА

Иллюстрации Дениса Гордеева

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А44

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателей запрещается.

Художник Денис Гордеев

Компьютерный дизайн переплета — *Константин Парсадзян*

Художественное оформление макета — *Екатерина Климова*

Акунин, Борис.

А44 Детская книга: [роман] / Борис Акунин. — Москва:
Издательство АСТ, 2016. — 384 с. — Ил.

ISBN 978-5-17-093714-1

Юный Ластик Фандорин — самый маленький в шестом лицейском классе мальчик — призван совершить неслыханный подвиг: отправиться в прошлое через «хронодыру». На всем белом свете только Ластик способен исправить то, что натворил во время крестовых походов его дальний предок — рыцарь Тео фон Дорн...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В. Akunin, 2016
© Д. Гордеев. Иллюстрации, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Сегодня

Обыкновенный необыкновенный мальчик

Жил-был на свете, а если точнее, в столице Российской Федерации городе Москве, один мальчик, а если точнее, ученик шестого класса по прозвищу Ластик. И вот однажды, а если точнее, 29 сентября прошлого года, этот мальчик угодил в историю.

Точность здесь совершенно необходима, потому что без нее эта повесть будет восприниматься как сказка. А между тем, все описываемые в ней события произошли на самом деле. И, может быть, даже не один раз.

Мальчик, о котором пойдет речь, на первый взгляд был самый обыкновенный. Именно что «на первый взгляд», ведь обыкновенных людей на свете, как известно, не бывает. Всякий человек кажется обыкновенным, толь-

ко если к нему не присматриваться. А присмотришься как следует — обязательно скажешь: ничего себе «обыкновенный».

Вот и Ластик, если бы кто-нибудь из одноклассников вздумал к нему как следует приглядеться, оказался бы очень даже необыкновенным. Просто никому из его одноклассников это в голову не приходило. Во-первых, Ластик был в классе самым маленьким по росту. Во-вторых, на зубах у него были металлические брэкеты. В-третьих, он плохо успевал по математике, а школа, в которой он учился, называлась «Лицей с естественно-математическим уклоном». Главное же, Ластик пришел в класс самым последним, когда все давно успели подружиться, и новый друг, да еще такого маленького роста и с кривыми зубами, был уже никому не нужен.

В оправдание Ластика можно сказать, что он просто еще не успел как следует вырасти — родители отдали его в школу на год раньше положенного возраста. Так что если сравнивать его с пятиклассниками, он получился бы не очень-то и маленький, а вполне среднего роста. И по математическим дисциплинам он плелся в хвосте не из-за тупости, а потому что до позапрошлого года учился совсем в другом лицее, где уклон был, наоборот, историко-литературный. Это мама захотела, чтобы Ластик обучался точным наукам, потому что будущее за ними, а математика — настоящая мужская профессия. Папа пробовал спорить, говорил, что он вот гуманитарий и ничего, но с мамой долго не поспоришь. Она сказала: «Вот именно. Хочешь, чтоб из твоего сына тоже получилось ничего?»

И поэтому, когда семья переехала на улицу Солянку, Ластика отдали в новый лицей. А его сестру Гелю оставили в прежнем, ведь она девочка и ей настоящая мужская профессия ни к чему. Девочкам, как замечал Ластик, на свете вообще живется гораздо легче.

Теперь пора объяснить про кличку «Ластик». Она возникла не из-за того, что наш герой был маленький. И не из-за того, что он

был какой-нибудь квадратный или, там, очень упругий, а из-за имени.

Оно уж точно было необыкновенное: Эраст. По-домашнему Эрастик. Когда он пришел в новую школу, все, конечно, спросили: как тебя зовут. А у него тогда еще не было передних зубов (они попозже выросли, хоть, как уже говорилось, и не совсем прямо), вот и получилось «Эластик». Все засмеялись, закричали «ластик, ластик-лобастик». С тех пор он и превратился в Ластика. Его теперь даже дома так называли. Мама говорила, что это хорошее, ласковое прозвище. Только папа продолжал звать сына «Эрастом». Он хотел, чтобы сын, когда вырастет, сделался похож на своего знаменитого прадеда Эраста Петровича Фандорина, портрет которого висел в папином кабинете на самом почетном месте.

Прадедушка у Ластика был великий сыщик, про которого писали книжки и даже снимали кино. Он смотрел с картины на правнука прищуренным взглядом, будто хотел ему сообщить нечто очень важное, но знал, что пока еще рано, надо подождать. Эраст Петрович был очень красивый: в мундире с золотыми нашивками, с тонкими черными усиками, с элегантно проседью на висках. Ластик твердо знал, что никогда таким не станет, но папе об этом не говорил — не хотел расстраивать.

Хорошо было сестре Гельке. От нее никто не ждал, что она вырастет и станет героем. И геометрия с алгеброй не портили ей кровь шесть раз в неделю. Она жила, как сыр в масле каталась. Мужских качеств мама в ней не воспитывала, волю закалять не требовала. А папа, тот вообще ее только по головке гладил и называл своей красавицей.

Преимущество перед счастливицей-сестрой у шестиклассника Фандорина было только одно: по утрам ее будили на полчаса раньше, потому что до старого лица после переезда ехать было далеко, и папа отвозил туда Гелю на машине.

Гелька, конечно, нарочно топала ногами и громко разговаривала, но Ластик накрывал голову подушкой, и в эти полчаса ему спалось слаще всего.

Так было и сегодня, 29 сентября.

Завтракал он вдвоем с мамой, потому что мама работала газетным редактором и могла приезжать на работу, когда захочет.

Этот день, наверное, самый важный в истории человечества, начался обыкновенно. Ластик пил чай, мама ему говорила: «Ешь, не лови ворон», «Не стучи ложкой», «Не сутулься».

Потом, как всегда, сказала: «Не смей есть в школьном буфете эти ужасные сосиски» — и дала сверток с полезными и питательными бутербродами (нежирная колбаса, заменитель масла, листья салата).

В прихожей Ластик по привычке оскалил перед зеркалом свои хромкобальтовые брэкеты — проверил, не стали ли зубы хоть чуть-чуть прямее. В последнее время, из-за некоей особы с соседней парты, этот вопрос приобрел особую актуальность. Потом надел красную спортивную куртку, взял портфель и сбежал по лестнице во двор.

Тут обыкновенность раз и навсегда закончилась. В течение какой-нибудь четверти часа с Ластиком случилось сначала два совершенно непонятных происшествия, а после еще три, хоть и не загадочных, но очень странных.

Сначала два совершенно непонятных происшествия

Ну, первое происшествие, может, было никаким не происшествием, а так, померещилось. Однако во имя уже упомянутой точности умолчать о нем было бы неправильно.

Стало быть, выбежал Ластик из подъезда во двор своего дома...

Нет, сначала нужно рассказать про дом и про двор, а то будет непонятно.

Дом, куда в позапрошлом году переехала семья Фандориных, был в своем роде замечательный. Почти сто лет назад его построило «Варваринское товарищество домовладельцев» на старинной улице Солянке. Это был, собственно, не дом, а целый комплекс зданий, соединенных в сложную геометрическую фигуру, с несколькими внутренними дворами, многочисленными арками, подворотнями и глубоченными подвалами. Хоть Ластик жил здесь уже почти два года, но так эту громаду толком и не исследовал. Полазил по чердакам, побегал по лестницам с ажурными перилами, а до подвалов, например, так и не добрался. Правда, попасть в них было трудновато, даже совсем невозможно. Въезд в подвал (да-да, не вход, а самый настоящий въезд — такой он был высокий и широкий) закрывала решетка. Папа рассказывал, что сто лет назад в Варваринских погребках находились торговые склады, после революции — тюрьма, потом автобаза, но вот уже много лет подземелье пустует, потому что ему никак не могут придумать полезного применения.

Папа у Ластика очень любил историю и про то, что было раньше, знал почти всё. Про то, что происходит сегодня, он знал гораздо меньше — во всяком случае, так утверждала мама. Поэтому у него и бизнес не клеился.

В соседнем подъезде, на пятом этаже, располагался офис папиной фирмы. Вся фирма — два человека: сам папа и секретарша. Сидят, с утра до вечера в компьютер играют, потому что клиентов нет. А ведь именно из-за папиной работы Фандорины и переехали сюда, на Солянку. И потом, папа говорил, что это самое лучшее место во всей Москве — вокруг сплошные достопримечательности и нераскрытые исторические тайны.

Ну так вот.

Выбежал Ластик из подъезда во двор своего замечательного дома, по привычке повертел головой влево-вправо. Слева за решеткой чернел квадратной пастью уже упомянутый въезд в подвалы, справа серела подворотня, тоже квадратная.

И там, в подворотне, Ластик вдруг увидел силуэт, показавшийся ему очень знакомым. Какой-то мальчик стоял там, в густой тени, и, прислонившись к стене, смотрел в эту сторону.

Так ведь это я, это мое отражение, понял вдруг Ластик. Вон и куртка красного цвета!

Но какое в подворотне может быть отражение? Там ни зеркала, ни витрины, ничего.

Ластик зажмурился, потому что если зажмуриться, а после разожмуриться обратно, видно гораздо лучше.

Но когда он снова открыл глаза, двойник исчез. Осталась одна пустая подворотня.

Это называется «зрительная галлюцинация», сказал себе Ластик — когда видишь то, чего на самом деле нет. И обрадовался, потому что галлюцинаций у него отродясь не бывало.

Он решил, что поразмыслит над загадочным явлением после, во время урока, а сейчас некогда — в школу опоздаешь.

Но к подворотне двинулся осторожно, пытаясь сообразить, как мог возникнуть подобный оптический обман. Встал прямо напротив прохода. Потом попятился назад, к запертой решетке. Присел на корточки. Галлюцинации больше не увидел.

Зато кое-что услышал.

Тихий, но вполне явственный голос откуда-то позвал:

— Эраст! Эра-аст! Сюда!

Сначала Ластик, конечно, задрал голову и посмотрел вверх, на окна папиного офиса (окна их квартиры во двор не выходили). Но там, на пятом этаже, были опущены жалюзи. Да и голос раздавался явно не сверху, а скорее снизу и при этом сзади.

— Эраст! Эра-аст! Сюда! — послышалось вновь.

Из-за решетки, из черного зева подвала — вот откуда звал Ластика странный, придуренный голос.

«А это уже слуховая галлюцинация», подумал шестиклассник, подошел к самой решетке и стал смотреть в широкое жерло подвала — папа говорил, что когда-то туда въезжали огромные повозки с бочками и тюками.

Погреба раскинулись на тысячи квадратных метров, подо всем многоподъездным комплексом. Там имелись залы, галереи, большие и маленькие комнаты — так рассказывал папа, а уж он-то знает. Не раз Ластик стоял здесь, у входа в подземелье, воображая, сколько всего чудесного и страшного должно таиться в этом лабиринте. Но попасть вниз было невозможно: на двери висел крепкий замок — специально для того, чтобы внутрь не лазили дети.

— Эраст, Эраст, сюда! — вдруг услышал Ластик, и так отчетливо, что это никак не могло быть галлюцинацией.

Что за фокусы?

Он прижался к железным прутьям, и дверь вдруг подалась под тяжестью его тела. Испугавшись, он отпрыгнул назад. Опустил глаза — и увидел, что замка нет! Створка слегка покачивалась, будто приглашая распахнуть ее и войти.

Ластиком овладели два противоположных чувства. Первое щекотало грудь изнутри, стискивало сердце и подначивало: «Иди, иди туда, другого такого случая не будет!» Второе же рассыпало по спине ледяные мурашки и пискнуло: «Не вздумай! Что еще за голос такой? Беги, пока цел!»

Оглянувшись, нет ли кого во дворе, Ластик проскользнул за решетку и прикрыл за собой дверь.

— Эраст, Эраст, сюда! — позвала темнота. Было страшно, но и любопытно.

Он пробежал по покатоному асфальтовому спуску и, оказавшись под сводом погреба, остановился.

Свет с улицы проникал в глубь подвала метров на десять, дальше же было совсем темно.

Ластик заколебался. Не хватало еще опоздать на первый урок. С преподавателем геометрии Михал Михальчем шутки плохи.

Он уж совсем собрался повернуть назад, но тут услышал опять, теперь совсем близко:

— Эраст, Эраст, сюда!

И так не захотелось идти дальше! Повернуться бы и кинуться из этого нехорошего места наутек. Ну их, эти тайны и необъяснимые явления.

Еще пару месяцев назад он сбежал бы. Но летом, во время каникул, Ластик решил, что будет укреплять волю и развивать храбрость. Дело продвигалось трудно. Однажды (дело было на даче) попробовал досидеть до полуночи на кладбище, но когда над головой страшно заухала птица, не выдержал — убежал. Пришлось идти во второй раз. Потом заставил себя прыгать с вышки, головой вниз. С трехметровой спрыгнул, а с пятиметровой так и не сумел. Проторчал наверху битый час. Дождался, когда рядом никого не будет, и слез. До сих пор стыдно.

Так вот, чтоб потом не было стыдно, Ластик и заставил себя пойти дальше, навстречу зовущему голосу. Сделал шаг. Потом еще, еще, еще.

Сделалось совсем темно. Сзади ослепительно белел, манил к себе квадрат выхода.

А впереди вдруг блеснули две зеленые искорки. Кошка? Или крыса? К кошкам Ластик был равнодушен, а вот крыс ужасно не любил.

В подземелье стало тихо. Никто больше шестиклассника Фандорина не звал.

Глаза немножко привыкли к мраку, разглядели впереди что-то большое, прямоугольное.

Десять шагов вперед — и хорош, сказал себе Ластик. Это будет по-честному.

Набрал побольше воздуха, обхватил себя за ребра, чтоб поменьше стучало сердце, и отсчитал шаги: раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять.

Остановился. По-прежнему тихо. Прямоугольное, большое оказалось старым кузовом от грузовика — только и всего.

— Кто тут? — спросил Ластик слегка подрагивающим голосом.

Никакого ответа.

Ну и пожалуйста, подумал он с облегчением. Не хотите отзывать — не надо, а мне в школу пора.

Повернулся и поскорей двинулся к выходу.

Что же это был за голос? Может, просто сквозняк дул: с-с-с, с-с-с, а ему померешилось: «Эрас-сст, сссюда»? Если, когда вернется из школы, решетка все еще будет незаперта, надо взять фонарик и забраться снова...

Он аккуратно прикрыл дверь, чтобы отсутствие замка не бросалось в глаза, и быстро зашагал в сторону улицы, не догадываясь, что главные потрясения этого утра впереди.

Еще три происшествия,
хоть и не загадочных,
но очень странных

Чтобы попасть на Солянку, нужно было пройти подворотней. Но оказалось, что сделать это совсем не просто. Проход предназначался исключительно для пешеходов — посередине арки из асфальта торчал железный столбик, не дававший машинам заехать во двор. И вот к этому столбику кто-то привязал огромную немецкую овчарку. Судя по рычанию и вздыбленной шерсти овчарке это очень не нравилось. Дергая длинный поводок, она металась от стены к стене. Задрала голову, истерично залаяла — под сводом заматалось гулкое эхо.

Неожиданное препятствие оказалось исключительно некстати. Экспедиция в подвал заняла не так мало времени. Теперь нужно было торопиться, чтобы не опоздать в школу, а тут здрасте вам. Ластик мог пройти кружным путем, через другие дворы, а потом переулком, но это лишних минут пять, и тогда к звонку точно не успеть.

Ластик завертел головой во все стороны — нет ли хозяина овчарки. Во дворе было пусто. Виданое ли дело? Привязали в проходе этакого змей горыныча и ушли!

Шестиклассник прижался к самой стене, попробовал протиснуться мимо собаки.

Псина зарычала, натянув поводок, приподнялась на задние лапы, и стало ясно, что не протиснешься — достанет и оттяпает полруки или полноги. Ластик тоже показал ей свою хромкобальтовую дужку на зубах и сказал «р-р-р», но большого впечатления не произвел.

Рассусоливать было некогда, проблему требовалось решить, и как можно быстрее.

Ластик достал сверток с мамиными полезными бутербродами. Отломил кусок — кинул через овчарку, справа от столбика.

Собака кинулась, вмиг проглотила колбасу, но вместо благодарности оглянулась на Ластика и зарычала еще свирепей. Вот вредная тварь!

Шестиклассник переместился к противоположной стене, кинул другой кусок. В один прыжок овчарка подлетела к нему, сожрала.

Ластик сделал шаг вперед — чудище с лаем кинулось к нему. Он попятился, одновременно перемещаясь вправо. Пока всё шло по плану.

Достал второй бутерброд, отломил половинку, перекинул через пса. Тот подпрыгнул, не достал и бросился подбирать.

Снова переместившись к левой стене, Ластик швырнул последний кусок, который тоже был незамедлительно сожран. Но гнева на милость собака не сменила. Стоило Ластiku сделать шаг вперед — и злюка опять метнулась к нему с разинутой пастью.

Однако сделав два круга справа налево, овчарка дважды обмотала поводок вокруг столбика, и теперь Ластик сумел, прижавшись к стене, проскользнуть мимо. Пес рвал ремешок, давился

лаем и чуть не задохнулся от ярости, но помешать не мог — только слюной обрызгал.

Показав обманутому разбойнику язык, шестиклассник быстро зашагал по улице. Операция «Полезная колбаса» заняла не больше минуты. А бутербродов Ластик было не жалко, школьные сосиски с картофельным пюре ему нравились гораздо больше.

Свернув в Подколокольный переулок, он перешел на рысцу. До звонка оставалось всего семь минут.

На углу Малого Ивановского переуллка, привалившись спиной к водосточной трубе, сидел бомж. Надо сказать, что бездомных, вконец спившихся оборванцев в этих местах водилось немало. Папа говорил, что их тянет сюда, на Хитровку, запах прошлого. Сто лет назад здесь был самый жуткий в Москве трущобный район. В дешевых ночлежках и притонах жили тысячи бродяг, воров, нищих. Даже полиция опасалась заглядывать на Хитровку после наступления темноты. По мнению папы, нынешние бомжи, облюбовавшие этот микрорайон, были законными преемниками старинного племени «хитрованцев», о которых написано столько романов, повестей и рассказов.

«Законный преемник», вытянувший ноги поперек тротуара, был из бомжей самого последнего разбора. Грязный, опухший от пьянства, одетый в кошмарное рванье, он что-то клянчил заплетаящимся языком у женщины с хозяйственной сумкой. Та послушала-послушала и возмущенно отмахнулась:

— Ишь чего захотел! Ну нахал!

И пошла дальше, качая головой. Тут с бомжом поровнялся Ластик.

— Пацанок, выручи! — просипел тот.

— У меня денег нет, и еще я в школу опаздываю, — скороговоркой ответил шестиклассник.

— Да есть деньги, вот, — показал пьяница две мятые бумажки. — Загибаюсь я. Помоги, а?